

МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ

ОБ ЭПИГРАФЕ К “ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ”

© 1997 г. В. И. Арнольд

Французский эпиграф к Евгению Онегину таков:

“Pétri de vanité, il avait encore plus de cette espèce d’orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d’un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d’une lettre particulière”.

То есть:

“Проникнутый тщеславием, он обладал в еще большей степени тем особенным видом гордости, который заставляет признавать с одинаковым безразличием как свои хорошие, так и дурные поступки, из чувства превосходства, быть может, мнимого.

Из частного письма”.

Обычно считается, что это “частное письмо” – мистификация Пушкина, который сам сочинил текст эпиграфа.

Перечитывая недавно “Опасные связи” Шодерло де Лакло, я наткнулся на следующую фразу (в письме L президентши де Турвель виконту де Вольмону):

“Je n’ai pas la vanité qu’on reproche à mon sexe; j’ai encore moins cette fausse modestie qui n’est qu’un raffinement de l’orgueil...”

То есть:

“Я не обладаю тщеславием, в котором упрекают мой пол; еще в меньшей степени я обладаю той ложной скромностью, которая является всего лишь утонченной гордостью...”

Сходство с пушкинским эпиграфом меня поразило. Я подумал, что Пушкин заменил “я не обладаю” на “он обладал”, приспособивая скорее к себе, чем к Онегину, фразу из романа, “в котором отразился век, и современный человек изображен довольно верно, с его (...) безнравственным

умом, кипящим в действии пустом”, быть может, неосознанно.

Склонный к мистификации, он мог не в меньшей степени стремиться скрыть заимствование из романа, о котором он в другом месте сказал “мать дочери велит на эту книгу плюнуть”, – из чувства осторожности, быть может, оправданного. “Скромный автор”, как называл себя Пушкин, позволял себе перевести лишь половину “славного стиха” или мистифицировать читателя понятными лишь посвященным намеками (“я слышал, дам хотят заставить...” и т.д.)

Кто-нибудь из друзей или современников Пушкина мог знать источник эпиграфа.

Пушкинские “заимствования” (Фауст, Андже-ло, письмо Татьяны – на Западе и всего “Онегина” считают переделкой байронова “Дон Жуана”) никогда не бывают точными переводами. Текст эпиграфа напоминает текст письма президентши де Турвель не в меньшей степени, чем “Роман в письмах” Пушкина, очевидно вдохновленный “Опасными связями” (хотя и не только ими).

Будучи по профессии не литературоведом (и еще в меньшей степени пушкинистом), а математиком, я вынужден в своей работе постоянно опираться не на доказательства, а на ощущения, догадки и гипотезы, переходя от одного факта к другому при помощи того особенного вида озарения, который заставляет усматривать общие черты в явлениях, быть может, кажущихся постороннему вовсе не связанными между собой.

Правильная догадка сопровождается ощущением полной ненужности дальнейших доказательств, ощущением почти болезненным, которое не забывается, но которое трудно передать другим.

Я пытался выше заставить читателя пережить ощущение уже виденного, подобное тому, которое я испытал при чтении письма L из “Опасных связей”.